

О ПОНЯТИИ ГЕОПОЛИТИКИ

«Геополитика» – составное слово, где «гео» и «политику» можно вроде как и не расшифровывать. В традиционном понимании она рассматривает *зависимость* общественных процессов от топики Земли. Онтологически геополитика представляет собой науку о влиянии географического фактора на политику и рассматривается в качестве особой рамки, методологии мышления.

Наука геополитики возникла на стыке общественных и естественных научных дисциплин и потому является синтетической – она продукт междисциплинарного синтеза. Но мы будем понимать это предмет еще шире – с позиций *экзистенциальной системогенетики* (о ней масса наших статей на блоге и монография на сайте АТ). Такая платформа кажется нам наиболее широкой из всех возможных, поскольку основывается на инвариантах.

Для начала поговорим о принципиальных разногласиях с коллегами.

Двухконтурная модель управления в обществе

Когда мы говорим об обществе, то имеем в виду нашу модель, в которой *общество понимается как деятельность* и в нем есть два контура управления: культурно-человеческий и машинно-технический. В самом простом виде это культура и цивилизация, за которыми стоит ментосфера и ноосфера.

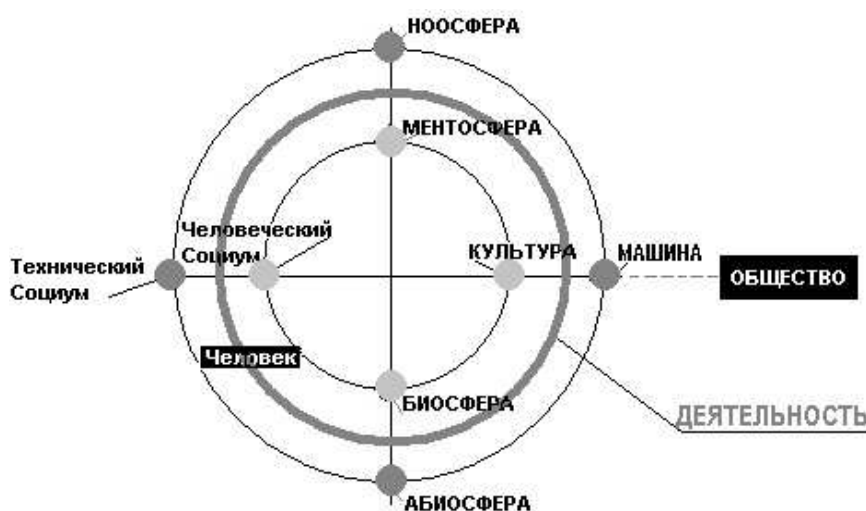

Рис. 1. Общество как деятельность и два контура управления в нем.

Поэтому мы рассматриваем даже в простейшем виде особенности геопространства по отношению к обеим этим сторонам общества. Это позволяет включать в проблематику геополитики соотношение топоса как с этносами, нациями, народами, так и конфессиями, государствами и транснациональными корпорациями (ТНК), а также – и это самое важное в нашей трактовке – с ментальными моделями, бытующими в истории. Мы убедимся на материале истории геополитики, что рассматривать вопрос в пределе нужно именно так. Принятая нами платформа системогенетики требует рассмотрения всех ее аспектов как в статике, так и в динамике, как логически, так и исторически.

Между тем в большинстве существующих геополитических теорий одной из **главных проблем** является **изучение сферы отношений между государствами по поводу контроля над территорией**. Это слишком редуцированная трактовка, которая постоянно приводит к перекосам в реальной политике. Она не соответствует и реалиям современного мира, где государства подчас играют менее значимую роль, чем конфессии (С. Хантингтон) и ТНК.

Если редуцировать геополитику еще больше, то формально геополитическая наука связывается рядом авторов только с динамикой международных отношений, в частности – мировой торговли. Это геополитика в самом узком значении, и ниже мы покажем, почему.

Начнем с *политики*. Как особая деятельность, политика есть разновидность *управленческой деятельности*, имеющей прямое отношение к власти: назначение политики есть борьба за захват власти. Вот этот момент нужно подчеркнуть. Те авторы, которые сводят геополитику к одному контуру – контуру рациональному, к государственной власти – упускают из вида вторую сторону политики – политика есть в основном *борьба за власть*, а она – зачастую вне машинного контура государства или церкви. Пограничный характер политики – между гражданским обществом и государством – ее важнейший признак.

И тогда модели геополитики должны рассматриваться, как минимум, в двух ипостасях.

В первом случае – как экспертные «знаниевые» модели (ноосферный, машинный контур управления), предназначенные для принятия решений главным менеджером (главой государства, правительства, высшим иерархом, топ-менеджером). Они употребляются *рациональным* образом, как некие переменные или детерминанты при принятии политических решений на высшем уровне.

Здесь следует задаться вопросом: а кто, какой субъект, способен осуществлять властную политику на территориях? Сегодня это государства, конфессии и ТНК (транснациональные корпорации). Причем, основой мировой экономики сегодня являются именно транснациональные корпорации, чьи предприятия могут быть разбросаны по всему свету – это они все больше вершат геополитику в своих интересах. В силу транснационального характера современного капитализма мы имеем в их лице цитадель единого наднационального капитализма. Надгосударственные образования порождают единое пространство планеты, достаточно однородное в экономическом (постиндустриальная экономика), политическом (либеральная демократия) и культурном отношениях (массовая культура). Это отмечал А. Зиновьев, создавший предельно широкую концепцию «западнизма», хотя речь в ней идет уже не только о традиционном Западе.

Во втором случае модели геополитики должны рассматриваться как идеологемы (ментосферный, культурный контур управления), предназначенные для лидера. Здесь перед нами *иррациональный* способ их употребления.

Трибунал в Нюрнберге оправдал Карла Хаусхофера, поскольку практически невозможно было доказать юридически, как его геополитическая идеология превратилась в практику национал-социалистов. По той же причине в живых остался Карл Шмитт, хотя его юридически окрашенные теории вполне можно было интерпретировать соответствующим образом. Первый покончил с собой, второго коллеги во всем мире подвергли остракизму чуть ли не до конца жизни – такова участь идеологов у которых берут и свободно интерпретируют идеи политики.

Геополитические идеологемы нужны харизматическому лидеру как основа для формирования веры в массах. Если говорить о чистой политике – они им нужны в борьбе за власть. Но и после прихода к власти, если такое происходит, такие идеологемы никуда не исчезают, более того, они становятся тем, что в стратегическом менеджменте называется «миссия». И тогда порядком редуцированные учения Хаусхофера и Шмитта уже можно рассматривать как основания будущих действий верхушки нацистской Германии.

Идеологемы, кстати, не всегда видны: мы можем только гадать, почему реальная геополитика Сталина была так похожа на некоторые положения евразийцев П. Савицкого и Н. Трубецкого и даже национал-большевика Н. Устрялова.

Отсюда первый запрет: «геополитику» нельзя сводить только к внешней политике (государств, конфессий и ТНК), поскольку в ней есть два контура – рациональный и иррациональный, менеджерский и лидерский.

Ресурсоспектр политики и власти

Вторая сторона термина «геополитика» – гео, Гея, Земля. Поскольку речь у нас идет о ракурсе политики-власти, нужно рассмотреть, что именно интересует политику и власть в этом вопросе.

В простейшем виде это трактуется как *ресурсы территории, ограниченной государственной границей*. И, собственно, с этого начинается антропогеограф Фридрих Ратцель, когда создает ряд моделей, положенных в основание ранней немецкой геополитики (так называемой «научной» геополитики). Эти модели предельно просты и мы их все рассмотрим.

Но сразу отдадим должное и русской геополитике: за несколько десятилетий до Ратцеля милютинская школа военной геополитики (о которой речь впереди), не особо афишируя свои действия, исследовала мир с самых что ни на есть системных позиций и более подробно и детально, чем Ратцель.

Модель ресурсов трех уровней

Модель ресурсов, которыми может располагать геополитик, может быть построена по простому основанию. Изобразим ее на схеме:

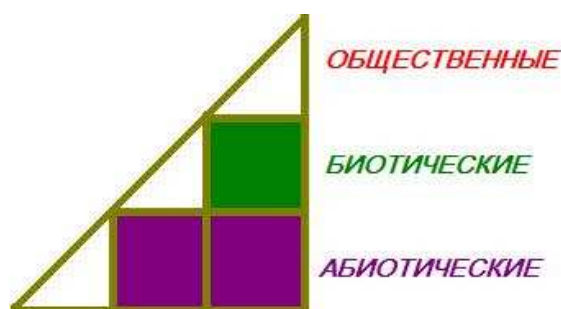

Рис. 2. Три вида ресурсов.

Такая модель, идущая еще от Ф. Ратцеля, получила в истории геополитики очень подробное развитие: каждый из выделенных здесь видов был детализирован на множество уровней и подуровней. Например, Николас Спикмен выдвинул десять критериев геополитического веса:

Рис. 3. Критерии Н. Спикмена по отношению к тройке ресурсов.

Четверка типов ресурсов

Если посмотреть на проблему ресурсов политики и власти наиболее абстрактно, то их четыре типа. Это **земля, вода, воздух и огонь** – такова древнейшая типология стихий, греческих «первоэлементов» и т.п. В реальности первые три стихии – земля, вода, воздух – реально существуют, а вот «огонь» можно трактовать для геополитики как поток солнечной энергии, создающий тот или иной климат на территории. Это очень существенно для начальных этапов развития цивилизаций и культур, а потому все они поклонялись Солнцу.

Эти же четыре компонента – ресурсоспектр политика и властителя – можно трактовать и в военном аспекте: сухопутные войска, военно-морские силы, авиация и ракетно-ядерное оружие («укрощение огня»). Здесь просматривает самый ранний вариант столкновения *сухопутных и*

водных военных сил, что доводится в теориях геополитики до глобального дуализма «Суша – Море», который приписывается всем цивилизациям. Это так называемый «первый закон геополитики» – идея о вечной борьбе между континентальной и морской цивилизациями (теллуократии и талассократии). Многие геополитические теоретики навсегда застряли на этом противостоянии, хотя уже в XX веке – веке авиации и ракет – оно потеряло первоначальный военный смысл. Другое дело – наличие этих черт в менталитете больших общностей, и мы будем об этом говорить ниже, – оно весьма устойчиво, но не настолько детерминистично, как кажется некоторым. По крайней мере, сегодня говорить об этом всерьез вряд ли стоит – мы уже больше летаем, чем плаваем и проблема роста мобильности по нашей бескрайней сухопутности тоже успешно решается массовым автотранспортом. Доминанты поменялись.

Обратим внимание, что данная четверка, рассмотренная в генетическом ракурсе, показывает *рост подвижности энергии в средствах вооружения*: водные более подвижны, чем сухопутные, а воздушные, чем водные, и, наконец, «всега быстрее огонь». Все эти разновидности сохраняются, но изменились пропорции родов войск в современных армиях.

Но мы настаиваем на том, что нельзя сводить геополитику в целом ни к одному этому ракурсу. Холодная война шла и идет совсем на других фронтах, и мы еще поговорим об этом. Кстати, вдруг возродившееся преподавание геополитики в наших вузах и есть элемент этой самой войны: ничто так не консервирует менталитет, как образование. А преподается под видом «геополитики» у нас как раз все то старье, которое не позволяет увидеть *ментальную сущность* идущей холодной войны.

Отсюда второй запрет: геополитика не сводится к дуализму «суша – море», в ней следует учитывать все четыре «стихии» (спектр ресурсов, спектр энергии). И если посмотреть на это исторически, возникают две пары: дуализм «суши – моря» был присущ только начальному этапу геополитики до XX века, а вот пара «воздух – огонь» в XX веке видимо только обозначилась: во времена Хрущева реактивная авиация впервые застонала от засилия ракетчиков. Реальных «звездных войн» мир пока не видел, и слава Богу! Но война-то в космосе давно идет.

Характерно, что до середины XX-го века речь шла о *горизонтальном пространстве* Земли, ее суши и морей, но с появлением авиации и космонавтики в дело ввели также и *вертикальное измерение пространства* (правда, геополитики рассматривают его пока как еще один «океан»). Для нас это разделение очень важно: это две смысловые оси, причем вертикальная пара более подвижных стихий «воздух – огонь» связана с *ускорением* не только в технике, но и в общественных процессах в целом.

Хронотон вместо топоса

Наконец, топос – это всего лишь одна из составляющих хронотопа. Все в этом мире, в том числе общества и государства, имеют не только топическое измерение, но хроно – временную характеристику. Ввиду невероятного роста скорости в технике и скачкообразного ускорения процессов в обществе (А. Тоффлер, «Футурошоки»), топическая сторона политики в значительной мере потеряла свою значимость, а приобрела первенство хроно-сторона. А именно: в политике сегодня побеждает тот, кто быстрее меняется, развивается в сторону усложнения структуры общества и увеличения скорости процессов деятельности. Поэтому кроме геополитики, которая главенствовала в прошлом, существует *хронополитика* и она главенствует сегодня. *Хронотон* неразрывен и это понятие нужно поставить в качестве главного на место топоса (гео), иначе геополитику можно отнести к разряду исторически существовавших, но более не актуальных знаний.

Кстати, по этому поводу. Ускорение общественных процессов как особый фактор мировой политики – с этого, собственно, начинается Новая история. Рывок европейских стран в техническом и социальном отношении позволил им превратить весь прочий мир в свои колонии. Недаром, Х. Макиндер начинает свою историю геополитики именно с этого – Колумб и Эпоха великих географических открытий привели к геополитической дележке территории Земли, что и стало потом причиной двух мировых войн.

Этот фактор ускорения (рывка) использовали и Гитлер, и Сталин, и японцы перед и во время Второй мировой войны. За десять лет власти нацистов, как и за период правления Сталина было сделано невероятно много – об этом с некоторым удивлением пишут в мемуарах сами участники событий с обеих сторон. Нацисты к концу войны возможно даже стояли на пороге невиданного технического рывка (как и японцы в определенных отраслях техники), но не успели реализовать это техническое преимущество. А вот Сталин успел – «... получил Россию, пахущую деревянными плугами, и оставил её оснащённой ядерными реакторами» (Encyclopaedia Britannica. Vol.21. London, 1964. P.303). Того технологического и организационного рывка нам хватило на 33 года – как раз одному поколению. Это поколение потеряло набранный темп – и не в техническом отношении, если верить Максиму Калашникову, а из-за застывшей идеологии и социальной структуры. И нас примитивным маневром обошли на историческом повороте недавние идеологические враги.

Из всего сказанного следует третий запрет: нельзя рассматривать «геополитику» в отрыве от «хронополитики». Это единый ментальный хронотоп, и его генезис мы рассмотрели в монографии «Формула истории» («Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.16506, 07.05.2011).

Основной закон разворачивания ментального хронотопа в истории мы рассмотрели в другой монографии – «Экзистенциальная системогенетика» («Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.16416, 06.03.2011).

На языке системогенетики этот закон можно выразить графически, если вспомнить, что история имеет вид конической спирали, а противоречие под ней – это единый хронотоп с двумя сторонами (пространство – время):

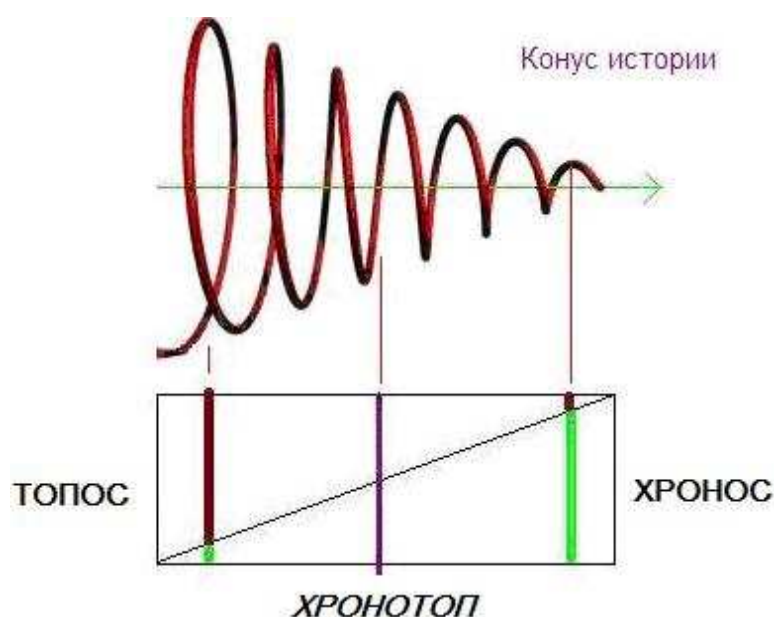

Рис. 4. Соотношение хроноса и топоса в истории.

Итого

Что мы имеем в рассматриваемом предмете в итоге?

Три оси: ось управления в обществе, ось хронотопа, ось ресурсов.

Соединить их можно как вместе в объемной модели, так и попарно.

Рис. 5. Объемная модель геополитики в нашем понимании.

Вот парное соединение осей «хронотоп и управление в обществе» в полном виде. Геополитика, тем более чисто государственная, – только небольшая часть этой полноты.

Табл. 1. Состав предмета геополитики.

		ХРОНОТОП	
		Топос	Хронос
УПРАВЛЕНИЕ В ОБЩЕСТВЕ	Машинное	1	2
	Культурное	3	4

Полнота предмета, как явствует из приведенной таблицы, это:

1. Геополитика машинного типа. Геополитика государств, конфессий и ТНК.
2. Хронополитика машинного типа. Хронополитика государств, конфессий и ТНК.
3. Культурная геополитика. Геополитика немашинного типа.
4. Культурная хронополитика. Хронополитика немашинного типа.

И тогда часть определения «геополитики в нашем понимании» звучит так: это взаимоотношения устойчивых групп людей (машинного и культурного типа) по поводу хронотопа.

Соответственно можно построить вторую и третью матрицы: «управление в обществе – ресурсы» и «хронотоп – ресурсы». Тем самым наш предмет будет представлен в достаточной полноте.

Полное определение «геополитики в нашем понимании» звучит так: это взаимоотношения устойчивых групп людей (машинного и культурного типа) по поводу хронотопа и с использованием всего возможного спектра ресурсов (абиотического, биотического и социального типов).

Геополитика – проектная деятельность. Поэтому геополитические модели и образы, живущие в сознании масс, всегда проектируются. Можно рассмотреть этот ракурс как вполне самостоятельный и более того – рассмотреть геополитические концепты в истории как связанные одним сценарием. Что характерно, это все тот же сценарий ментальных формаций. Да и само

геополитика, осмысленная как обособленное, появляется в нужное время и в нужном месте. Как и все прочее в культуре.

ИСХОДНЫЕ МОДЕЛИ РАННЕЙ ГЕОПОЛИТИКИ

Начнем с **главной статической модели**, которая стягивает на себя все знание, существующее в традиционной геополитике. Что касается динамических моделей, о них речь ниже.

Основная идея, **главная гипотеза геополитики** состоит в том, что жизнь общества (государств, наций, народов, этносов и т.д.) в большой степени обусловлена топически: географическим окружением и климатом. До момента, когда в истории происходит переход от чисто *горизонтальных перемещений* людей (суша и вода) к *вертикальным* (воздух и космос) действует ряд одних и тех же закономерностей. Их отмечают в истории с древнейших времен, и набор этих закономерностей мы сейчас рассмотрим.

Итак, если говорить о ведущем противоречии, которое обсуждается в геополитике, мы должны выделить две стороны:

– топос (место, «жизненное пространство» у Ратцеля) на котором длительное время живет и развивается некая социальная общность (этнос, народ, нация, государство, религия как межгосударственная общность),

– духовное образование, присущее этому топосу, связанное с ним.

Используя нашу терминологию, духовную сторону следует рассматривать как двойственную: это ментосфера и ноосфера. Разумеется, ее связанность с топосом не просто минимальная – в случае с ноосферой ее нет вообще. Хотя социальные общности различаются степенью приобщенности к ноосфере, но эта связь описывается не геополитикой, а скорее хронополитикой. Она характеризуется скоростью, ускорением – т.е. хроносом.

Что касается ментосферы, можно было бы назвать вторую сторону рассматриваемого образования **эгрегором** данной социальной общности (см. Н.Н. Александров, Системогенетика ментосферы // «Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.16449, 25.03.2011; Менталитет и эгрегор // «Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.16213, 11.12.2010).

Для связи топоса и его духовной эгрегориальной части у римлян было близкое по смыслу, хотя и локальное понятие «гений места» (*genius loci*).

Про что-то похожее на *эгрегор социальных общностей* говорил в своих работах геополитик К. Шмитт, но он не довел это понятие до нужного предела. Дело в том, что эгрегор общностей только *возникает* на конкретном месте, но далее он не обязательно привязан к нему – привязка идет к источнику живой энергетики, к человеческим общностям, а они способны перемещаться и, как показывает история, весьма существенно. При таком перемещении эгрегор модифицируется, но принципиально уже не меняется. Это и есть источник этнических и национальных черт, которые самовоспроизводятся на любом месте.

В этом состоит один из недостатков главной гипотезы геополитики – она привязывает все общественное к топосу, а это верно только для неподвижных или малоподвижных социальных общностей, но отнюдь не для всей истории. Фиксация такого влияния на уровне этнос-народ-нация в определенной степени допустима, но специфика социальных машин (государства, конфессии) в проектном обществе никак не связана с топосом.

Итак, вот основная модель геополитики (без учета ноосферы):

Рис. 6. Основная модель традиционной геополитики.

Если мы начнем рассматривать совокупность факторов, упакованных между топосом и эгрегором данной общности, следует напомнить, что в традиционной геополитике *генетическая детерминация* задается снизу вверх. «Место» географически обуславливает:

- **абиотические факторы:** наличие полезных ископаемых (геосфера), воды (гидросфера), воздуха (атмосфера), специфику климата (в основании его количество получаемой солнечной энергии), плодородие почвы и т.п.;

- **биотические факторы:** на этой основе произрастает соответствующая флора и фауна, включая популяцию людей (как часть биосферы);

- **общественные факторы:** из двойного основания вырастает все общественное: человеческий социум, техника (производство), культурная организованность людей (культура), мегамшины из людей (цивилизация).

Следует отметить, что *человеческий социум* изначально имеет двойственную, пограничную характеристику – это часть биосферы (популяция людей), все более сильно модифицируемая культурно-цивилизационным влиянием. Так возникают феномены *этноса, народа и нации*, которые раскрыты нами в специальной статье (Популяция, Этнос, Народ, Нация // «Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.16459, 31.03.2011). Игнорирование генетической стороны этого ряда приводит к нестрогости в трактовках, поэтому всегда следует говорить о конкретно-исторической специфике того или иного явления. Например, Л.Н. Гумилев пишет именно об этносах (и управляются они в его теории биосферой, что совершенно верно), а трактуют его построения и термины и для народов, и для наций (что совершенно не верно).

В XX веке мы наблюдали, как искусственно конструируются мегамшины из людей – вне всякой привязки к топосу, вне зависимости от него. Это совпадает с теми процессами, которые мы рассмотрели по отношению к менеджменту (Философские вопросы теории менеджмента // «Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.16554, 09.06.2011).

Рис. 7. Совокупность основных геополитических факторов.

Что характерно, гипотезы о влиянии нижней части этого построения (гео) на верхнюю (политика) присутствуют во всей истории. Вот как эти особенности трактовались, начиная с древнейших времен. Но здесь пока мы имеем дело с набором фрагментарных знаний и мнений о влиянии географических условий на жизнь человеческих сообществ.

Климатические зоны и их влияние на политику и общество

Ось Север-Юг

Парменид (VI в. до н.э.) говорил о пяти температурных зонах, или поясах, Земли: два холодных, два умеренных и один жаркий (в центре), каждый из которых обладает своими политическими особенностями.

Платон, Аристотель, «отец медицины» Гиппократ, «отец истории» Геродот, Цицерон и Полибий считали, что климат южных стран расслабляет характеры людей и они легко попадают в рабство, а климат севера, напротив, закаляет, и это приводит к распространению демократии.

Уже тогда взгляды философов слушали для оправдания политической идеологии. Так, опираясь на Парменида, Аристотель в «Политике» писал о политическом превосходстве *промежуточной зоны, населенной греками. Жители южных стран* получают от самой природы все необходимое (пищу и одежду) почти в готовом виде, поэтому жить им легко и свободно, следовательно, они не имеют стремления к развитию государств. *Жители севера*, напротив, слишком много сил должны тратить на поддержание жизни, поэтому у них не хватает сил для развития. И только в умеренном климате можно найти идеальные условия для расцвета государств и демократии. Забавно, что впоследствии европейские геодетерминисты отнесут Грецию к тем самым южным странам с жарким климатом.

Гиппократ в сочинении «О воздухе, водах и местностях» проводил идею о влиянии географических условий и климата на особенности человеческого организма, свойства характера жителей и на общественный строй.

Географ Страбон, как истинный римлянин, считает главными только политические соображения и оценивает значение тех или иных географических особенностей с той точки зрения, служит или не служит территория политическим целям. Он, кстати, разделил мир на четырехугольники и в рамках одного из них поместил обитаемый мир, который состоял из Европы, Ливии и Азии.

Влияние климата на общество рассматривал арабский мыслитель Ибн Халдун. Что характерно, он повторяет аргументы античных авторов: и о том, что жители экваториального юга не имеют побудительных причин для развития культуры и цивилизации, и о значимости стран с умеренным климатом, о заторможенности истории в холодных северных странах.

* * *

Теория климатических поясов актуальна и по сей день. В ее рамках считается, что история создавалась в пространстве между 20- и 60-м градусами северной широты, то есть в Северном полушарии, где расположена большая часть земной суши. **Политическая энергия** мира генерировалась в основном в умеренных климатических зонах, и **исторические центры притяжения сдвигались в направлении с юга на север в пределах этой зоны.**

Речные цивилизации Месопотамии и Египта сменились городами-государствами Греции, затем Римской империей. Все древние цивилизации располагались в границах между 20- и 45-м градусами северной широты. Культурные и политические центры Европы, России, Соединенных Штатов и Японии размещаются между 45- и 60-м градусами северной широты в прохладно-умеренной зоне.

* * *

В эпоху Просвещения географическое направление в социальной мысли развивали Ж. Руссо, Д'Аламбер, Ж Ламетри, Ш. Монтескье, Д. Дидро. **Они сформулировали основной закон географического детерминизма: «Власть климата есть первейшая власть на земле».** Просветители считали, что климат оказывает *непосредственное влияние на физиологическое состояние людей, а значит, влияет на их психологию, поэтому в разных странах разный «дух законов».* Жаркий климат расслабляет и приводит к рабству, «мужество народов холодного климата сохраняет за ними свободу».

* * *

Жан Боден ближе всех подошел к созданию широкой концептуальной системы географического детерминизма.

Он развивал взгляд на общество как на сумму кровно-хозяйственных союзов-семей, формирующееся *независимо от воли человека и под влиянием естественной среды.* Боден выделял значимость **климата**, приписывая его действию физическое превосходство северных народов над южными и горных над долинными.

В XVIII веке **Монтескье** отмечал значение пространства, почвы, и климата, а также культуры и экономики как факторов, формирующих общество. Он посвятил целый том своих сочинений исследованию влияния климата и топографии на особенности государственного устройства и политическую природу народов. Что интересно, на материале современной ему науки он сопоставлял Европу и Азию. Труд Монтескье – это первая попытка европейцев с помощью геодетерминизма научно объяснить различие форм общественного устройства.

Хотя Монтескье и доказывал в своих трудах, что географическая среда (и в первую очередь климат) влияет на различия форм государственной власти и законов, но он не абсолютизировал климат как главный фактор, непосредственно влияющий на общество. Он ввел посредника: климат оказывает прямое влияние на организм и психику *людей*, и только через это – и на общественно-политическую сферу.

Полученная теория дала возможность сделать следующие выводы:

«Власть климата есть первейшая власть на земле».

«в жарких климатах... обыкновенно царит деспотизм...»; «малодушие народов жаркого климата всегда приводило их к рабству, между тем как мужество народов холодного климата сохраняло за ними свободу». Опять-таки замечательный пример политической ангажированности, ни в чем не уступающий Аристотелю.

Взгляды Монтескье, слегка модифицированные, возродились в современной немецкой геосоциологической концепции. Новые геополитики пытаются через человека и его психологическое восприятие окружающей действительности (менталитет) объяснять историческое развитие. У них изменился лишь объект: это сознание человека, именно его пытаются направить в «нужное» русло.

Кстати, это интересно с системогенетической точки зрения. Начиная от античных предшественников и вплоть до французов XVIII века, включая Тюрго, на первый план выносятся *внешние факторы*. Немцы и англичане XIX столетия говорят о *сочетании внешних и внутренних факторов* по отношению к обществу как системе (И.-Г. Гердер, А. Гумбольдт, А. Херен, К. Риттер, а затем И. Кант, Г.В.Ф. Гегель, Л. Фейербах, Г.Т. Бокль). А вот геополитики XX века, начиная с поппулизма Видаль де ля Бланша предпочитают иметь дело с *внутренним*, подсистемным ресурсом – с человеком.

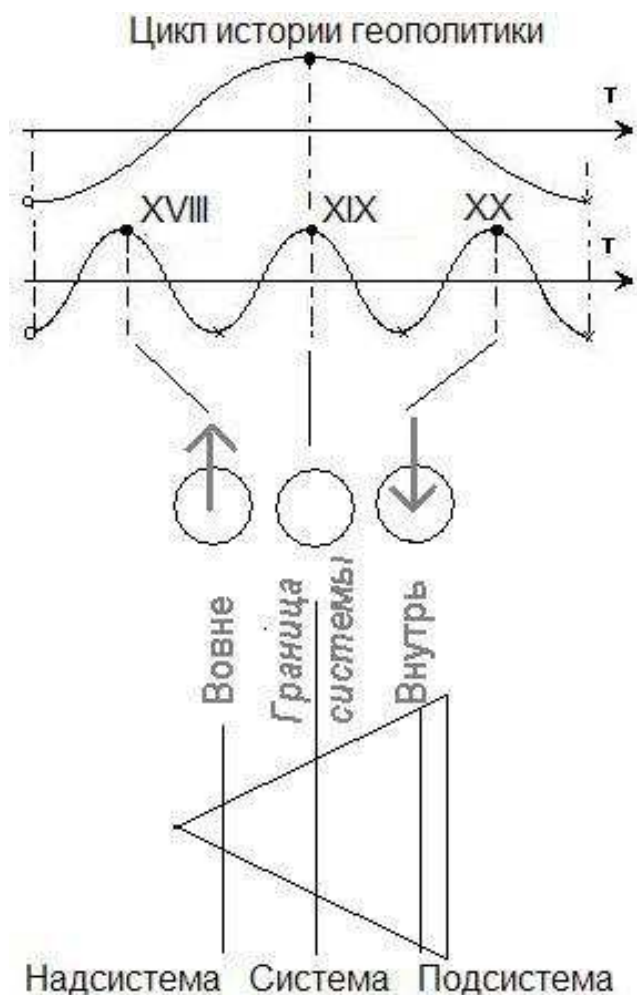

Рис. 8. Три цикла Нового времени и их системные особенности.

* * *

В XIX веке школа географического детерминизма перемещается в Германию.

Одним из первых немецких ученых, внесшим заметный вклад в развитие географического детерминизма, был **Иоганн Готфрид Гердер**. Движущей силой развития цивилизации у него выступают **внешние и внутренние факторы**. К внешним факторам ученый относил физическую природу – климат, почву, географическое положение.

Александр фон Гумбольдт говорил о тесных взаимоотношениях между человеком, государством и миром окружающей природы. География должна давать целостную картину окружающего мира и служить конкретным социальным, политическим и экономическим целям человека. Гумбольдт заложил основу сравнительного метода в географии.

По Гумбольдту, наиболее важен тот факт, что внешние условия влияют на *мораль человека*. Сопоставим: в понимании его современника англичанина Г.Т. Бокля, природа влияет на *труд и стереотипы мышления*. Т.е. один рассматривает ментосферу (мораль), второй – соединение техносферы и ноосферы (мышление). Интересно наблюдать, что в рамках нашей базовой схемы доминанты постепенно смещаются вверх, пока не достигают возможного предела.

На тесное взаимодействие человеческой цивилизации и природы, их влияние друг на друга указывали и другие немецкие ученые-философы, среди которых следует назвать И. Канта, Г.В.Ф. Гегеля и Л. Фейербаха. О Гегеле мы уже говорили выше.

Иммануил Кант в своих лекциях по географии развил мысли о влиянии физической географии на *«моральную географию» (национальный характер), на политическую географию, на «торговую географию» (экономику) и на «теологическую географию» (территориальное распространение религий) отдельных народов.* Этот набор факторов, как видим, уже значительно полнее, чем у предшественников.

Г. Гегель в работе **«Географическая основа всемирной истории»**, выступил с критикой бытовавшего в его время упрощенного географического детерминизма: «...не стоит ни преувеличивать, ни умалять значения природы; мягкий ионийский климат, конечно, очень способствовал изяществу поэм Гомера, но один климат не может порождать Гомеров, да и не всегда порождает их; под властью турок не появлялось никаких певцов».

По Гегелю, **геополитическая карта мира дифференцируется на Старый и Новый Свет**, первый из которых имеет три основных ареала:

1) безводное плоскогорье с его обширными степями и равнинами; страны плоскогорий, как правило, прочно замкнуты в себе, но способны давать импульсы исторического развития и территориальной экспансии;

2) низменности, переходные страны, прорезанные и орошаемые большими реками; здесь образуются центры культуры, обладающие уже значительными притяжениями (мы бы сегодня назвали их цивилизациями);

3) прибрежные страны, непосредственно прилегающие к морю; они должны выражать и сохранять мировую связь.

Между тем и немецкий философ прямо указывает на детерминированность истории народов географическими факторами. Он усматривает в жарком и излишне холодном климате «те естественные свойства стран, которые раз навсегда исключают их из всемирно-исторического движения...». К тому же Гегель одним из первых в истории социальной мысли совмещает географический детерминизм с расизмом, объявляя только страны Западной Европы и США носителями исторического прогресса и обосновывая, в частности, порабощение исконных жителей Мексики и Перу европейскими колонизаторами ссылкой на то, что индейцы якобы «во всех отношениях, даже в отношении роста, стоят ниже европейцев».

Гегель писал, что «скотоводство является занятием обитателей плоскогорий, что земледелием и промышленным трудом занимаются жители низменностей; наконец, торговля и судоходство составляют третий принцип. Патриархальная самостоятельность тесно связана с первым принципом, собственность и отношение господства и порабощения – со вторым, а гражданская свобода – с третьим принципом».

Как видим, ангажированность геодетерминизма Гегеля маскирует якобы вытекающее из географии «превосходство» прибрежных стран, то есть прежде всего западноевропейских и США, над всеми другими странами. Здесь он мало чем отличается от своих предшественников.

Четыре группы факторов, по Г.Т. Боклю

В XIX веке формируется и второе направление, представители которого пытаются установить **значение не только климата, но и плодородия почв, влияние транспортных магистралей** и т.п. на жизнь общества. Воплощение данное направление получило у англичанина Генри Томаса Бокля, профессора географии Лондонского университета.

В своей книге «История цивилизации в Англии» Бокль, дополняя учение Монтескье о климате, выдвинул **идею о совокупности условий географической среды, влияющей на жизнь общества.** В результате он выделил **четыре группы: «климат, пищу, почву и общий вид природы».** Причина появления цивилизации в древнем мире – плодородие почвы, а в Европе –

климат. Однако он не ограничивался данными компонентами и признавал, например, *влияние развитого человеческого разума на исторический процесс* и т.п.

В отличие от Монтескье, Бокль подчеркивал основное влияние **не климата, а ландшафта**. Уделяя первостепенную роль географическим условиям (климату, плодородию почвы, ландшафту) как стимулам общественного развития, Бокль, вместе с тем, подчеркивал, что **достигнутый уровень экономического благосостояния «зависит не от благодати природы, а от энергии человека»**, которая безгранична в сравнении с ограниченностью и стабильностью естественных ресурсов.

От климата, пищи, почвы и ландшафта зависит только начальная «история богатства»: «почвой обуславливается вознаграждение, получаемое за данный итог труда, а климатом – энергия и постоянства самого труда». Между тем, плодородная почва (через избыток порождаемого ею продовольствия) увеличивает народонаселение, а это, по Боклю, ведет к уменьшению заработной платы каждого работника. На юге пища более дешевая и требует меньших усилий для ее добывания. Отсюда – громадное население, нищета работников, невиданное богатство правителей.

Ландшафт, значение которого Г. Бокль особенно подчеркивает, «действует на накопление и распределение умственного капитала». Он различает *ландшафты, возбуждающие воображение* (различные виды «грозной природы»), и *ландшафты, способствующие развитию рассудка, логической деятельности*.

Ландшафты, возбуждающие воображение характерны для тропиков и близких к ним регионов. Это места возникновения всех древнейших цивилизаций: здесь преобладающее воздействие имели *силы природы*. Одни из них вызвали неравное распределение богатства, другие – «неравномерное распределение умственной деятельности, сосредоточив все внимание людей на предметах, воспаляющих воображение. ...Вот почему, принимая всемирную историю за одно целое, мы находим, что в Европе преобладающим направлением было подчинение природы человеку, а вне Европы – подчинение человека природе».

Разумеется, и набор из четырех факторов, и ландшафтный геодетерминизм Бокля имел целью возвеличить Великобританию. Здесь он ничем не хуже Гегеля, прославляющего тем же способом совершенство Пруссии.

Понятие «среды» и ее влияние на менталитет

Французская социально-географическая школа, о которой мы пока говорим только попутно, оказала влияние на эстетику и именно этим нам интересна. Так, историк **Жан Батист Дюбо** создал «теория среды». Основным **фактором развития искусства** он считал *климатические условия страны*. Монтескье, кстати, таковыми считал экономические и социальные факторы, обусловленные, в свою очередь, теми же географической средой и климатом.

Ипполит Адольф Тэн расширил понятие «среды» (*milieu*), рассматривая ее как совокупность ряда факторов. Это неизменные климатические и географические условия страны, с другой стороны – характер расы, государственного устройства и **«моральная температура», или «состояние умов и нравов» данной эпохи**. Географическая среда, по Тэну, определяет, например, характер живописи: «линейный» на юге и «колористический» на севере.

Этот ракурс интересен нам хотя бы потому, что затрагивает коммуникационную деятельность и эстетические средства выражения. Мы посвятили им специальную работу «Эволюция видения». Отметим, что такие средства непосредственно связаны с менталитетом (калокагатическое единство эстетического и этического). Они развиваются закономерно, что позволяет считать менталитет в потоке художественных образов в истории. А потому определенные особенности менталитета («моральная температура», или «состояние умов и нравов») несомненно могут быть связаны с топосом (жизненным пространством) социальных общностей.

Воля (эгрегорияльная программа)

Анализ природных и географических факторов в их связи с социальным бытием русского человека и его историей широко использовали и русские историки Б.Н. Чичерин, С.М. Соловьев, В.О. Ключевский, А.П. Щапов и др. В целом российский вклад в развитие геополитики интересен тем, что влияние географического детерминизма на наших ученых было минимальным, а выводы – оригинальными.

Б.Н. Чичерин рассматривая особенности нашей страны, выделял такие характеристики, как обширность территории при ее малой заселенности. На этой территории наблюдается однообразие и простота занятий населения. А если говорить о внешнем мире, то это постоянная угроза нападений – и обширность тому причиной. Это обусловило особое значение не географического фактора, а ***волевых, духовных качеств народа***. Не благодаря природе, а во многом вопреки ей русский человек «выходит на арену мировой истории». Такие условия вызвали жизненную потребность в крепкой центральной власти, но она, как известно, установилась далеко не сразу.

Влияние идей географического детерминизма заметно в исследованиях выдающегося русского историка В.О. Ключевского. «Начиная изучение истории какого-либо народа, встречаем силу, которая держит в своих руках колыбель каждого народа, – природу его страны». Но Ключевский на этой очевидности не слишком задерживается и пишет следующее: «...человеческая личность, людское общество и природа страны – вот те три основные исторические силы, которые строят людское общежитие. Каждая из этих сил вносит в состав общежития свой запас элементов и связей, в которых проявляется ее деятельность и которыми завязываются и держатся людские союзы». Такое троичное понимание, согласитесь, уже далеко отстоит от примитивного географического детерминизма.

Немалое внимание географическим условиям в развитии России уделил и С.М. Соловьев. Так же как и Чичерин, он отмечал ***географическую предопределенность зарождения русской государственности и наиболее интенсивного хозяйственного освоения земель в центре Среднерусской возвышенности***. Возглавить объединение русских земель и создать крепкое централизованное государство суждено было Москве – и как раз благодаря особенностям ее географии и природы.

В природно-климатических условиях России (в ее центральной части) Соловьев увидел решающий фактор, повлиявший на ***характер деятельности и форму организации населения***. Как сейчас говорят, здесь зона рискованного земледелия. Поэтому население могло прожить на этой территории, только обладая такими качествами, как ***упорство и твердость***. Благоприятная среда жизни западноевропейских народов не идет ни в какое сравнение с жесткими природными условиями Центральной России. В неравенстве начальных условий развития Соловьев видел естественные причины отставания России от Западной Европы. Русскому народу пришлось вести жестокую борьбу за выживание и отвоевывать жизненное пространство у природы, что наложило отпечаток на весь уклад его жизни.

«Суша - Море» и их граница

Аристотель в «Политике» дал интересную оценку достоинств Крита, позволивших ему возвыситься. «Остров Крит, – пишет он, – как бы предназначен природой к господству над Грецией, и географическое положение его прекрасно: он соприкасается с морем, вокруг которого почти все греки имеют свои места поселения; с одной стороны, он находится на небольшом расстоянии от Пелопоннеса, с другой – от Азии, именно от Триопийской местности и Родоса. Вот почему Минос и утвердил свою власть над морем, а из островов одни подчинил своей власти, другие населил...». Этот отрывок демонстрирует, что уже древние греки хорошо понимали геополитические плюсы и минусы морских и континентальных цивилизаций.

В Новое время Карл Риттер обосновал идею иерархического деления карты мира на ***континентальную (сухопутную) и морскую (водную) части*** в рамках единого глобального пространства. Он не только разделил Землю на сухопутную полусферу и полусферу водную

(морскую), но и представил в виде большого полукруга *границу между ними*, проходящего в Южной Америке через Перу и затем через южную часть Азии.

Две оси

В рамках континентальной полусферы Риттер выделил два больших региона: Старый Свет и Новый Свет. Первый, вследствие своего распространения *с востока на запад*, обладает заметным климатическим однообразием. Второй же, наоборот, по причине своего расположения *с севера на юг* отличается большим климатическим разнообразием. Это различие, по его мнению, оказало существенное воздействие на характер населяющих каждый регион народов и на их взаимоотношения, в каждом аспекте человеческой жизни.

Наличие этих двух осей и связанные с ними особенности цивилизационного развития следует рассмотреть впоследствии особо.

Три периода «водной истории»

К. Бэр впервые обстоятельно показал **значение рек в распространении цивилизации**. Последователем Бэра и наиболее видным представителем русской географической школы социальной мысли был **Лев Ильич Мечников**. Главное его произведение «Цивилизация и великие исторические реки. Географическая теория развития современного общества» было опубликовано посмертно в 1889 г.

В этой работе изложены оригинальные геосоциологические идеи Мечникова, о которых мы частично уже писали. Но здесь мы поговорим о его геополитических воззрениях. Ученый видел основу исторического развития прежде всего *в гидросфере*, и не столько в ней самой, сколько в ее использовании в качестве средства коммуникации. Его явно интересует тот рост мобильности, который мы отмечали еще в начале наших рассуждений. По Мечникову именно водные пути оказывают гораздо большее влияние на развитие общества, чем другие компоненты среды. Он рассматривает, что именно составляет *основу той или иной цивилизации* – река, море или океан, – и **делит историю человечества на три периода:**

«1) речной, охватывающий четыре древних цивилизации (Египет на Ниле, Месопотамия на Тигре и Евфрате, Индия на Инде и Ганге, Китай на Янцзы и Хуанхэ); отличительные черты этого периода – деспотизм и рабство;

2) средиземноморский, или средневековый (с основания Карфагена до Карла Великого), характеризующийся крепостничеством, подневольным трудом, олигархическими и феодальными федерациями;

3) океанический, охватывающий Новое время (с открытия Америки); этот период, по Мечникову, только начинается; в нем должны осуществиться свобода (уничтожение принуждения), равенство (ликвидация социальной дифференциации), братство (солидарность согласованных индивидуальных сил).»

При этом следует помнить, что перед нами убежденный анархист и критерии он выбирает исходя из своего понимания свободы.

Исторические циклы «кочевники – оседлые» (динамика- статика)

В Средние века уже упоминавшийся Ибн Хальдун предложил оригинальную для своего времени идею исторических циклов. По его мнению, в странах с умеренным климатом основной силой политической истории является **энергия кочевых народов**. Они обладают физическим и моральным превосходством над оседлым населением, а особенно перед горожанами. И понятно почему – у них более суровые условия жизни, выше социальная мобильность и сильнее организованность.

Исторический цикл начинается, когда кочевники захватывают страну с оседлыми жителями, образуя империю. Потом в течение нескольких поколений правители из кочевников ведут оседлый образ жизни, при этом они постепенно утрачивают свои сильные мобильные качества, и в результате политическое правление в империях ослабевает. И тогда из степей и

пустынь появляются новые волны кочевников-завоевателей. Таким образом, история входит в свой новый цикл и – повторяется.

В этих взглядах некоторые видят начало чуть ли не русских «евразийцев», и даже намек на теорию Л.Н. Гумилева. Но скорее следует кивнуть в сторону сэра Х.Д. Макиндера, который по тому же признаку «динамичности – статичности» развел морские и континентальные цивилизации.